

Т. И. Стеклова
Новосибирск, Россия

T. I. Steksova
Novosibirsk, Russia

РЕЧЕВОЙ ЖАНР ОБЕЩАНИЯ В ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

SPEECH GENRE OF PROMISE IN POLITICAL DISCOURSE

Аннотация. Рассматривается речевой жанр обещания, характерный для предвыборной политической коммуникации, и его судьба в послевыборный период. Выделяются процессы модификации и мутации, приводящие к изменению исследуемого жанра, и их прагматические эффекты.

Abstract. Speech genre of promise characteristic of election political communication, and its destiny after election campaign are disclosed. Processes of modification and mutation, which lead to changes of the genre under study, and their pragmatic effects are specified.

Ключевые слова: политическая коммуникация; речевой жанр; обещание; модификация; мутация.

Key words: political communication; speech genre; promise; modification; mutation.

Сведения об авторе: Стеклова Татьяна Ивановна, профессор, доктор филологических наук, профессор кафедры современного русского языка, Институт филологии, массовой информации и психологии.

About the author: Steksova Tatiana Ivanovna, Professor, Doctor of Philology, Professor of the Chair of Modern Russian Language, Institute of Philology, Mass Information and Psychology.

Место работы: Новосибирский государственный педагогический университет.

Place of employment: Novosibirsk State Pedagogical University.

Контактная информация: Россия, 630126, г. Новосибирск, ул. Виллюйская, 28.
e-mail: steksova@inbox.ru.

Политическая коммуникация, как отмечал А. П. Чудинов, это «речевая деятельность, ориентированная на пропаганду тех или иных идей, эмоциональное воздействие на граждан страны и побуждение их к политическим действиям для выработки общественного согласия, принятия и обоснования социально-политических решений в условиях множественности точек зрения в обществе» [Чудинов 2003: 11]. Политическая коммуникация воплощается в политическом дискурсе, который в целом можно представить как сумму предвыборного и, условно говоря, «послевыборного» дискурса. Давая определение дискурса, Э. Бенвенист обращал внимание на необходимость учета ментальных процессов и экстралингвистических факторов, на соотношение дискурса с говорящим и слушающим, с коммуникативным намерением говорящего воздействовать на слушающего [Бенвенист 1974: 51]. Именно экстралингвистические факторы, коммуникативные намерения субъектов речи и определяют репертуар речевых жанров в политической коммуникации.

Предвыборный дискурс уже привлекал внимание исследователей. Отмечены такие его особенности, как смысловая неопределенность, манипулятивность [Халатян 2011], мифотворчество [Стеклова 2004]. Уже выявлены жанровые предпочтения политиков-кандидатов, создан и уточнен перечень предвыборных жанров [Халатян 2011], среди которых отмечен и жанр обещания.

Данный речевой жанр, как известно, относится к императивным, коммуникативная цель которых устремлена в мир реальных действий, а существо сводится к указанию на характер осуществления неосуществленных действий автором, адресатом или третьими лицами [Шмелева 1997]. Его главной особенностью является исполнительский характер, т. е. дающий обещание берет на себя добровольное обязательство сделать что-либо. Ср.: **ОБЕЩАНИЕ** — добровольное обязательство что-нибудь сделать. **ОБЕЩАТЬ** — дать (давать) обещание в чем-нибудь. Внушать

надежду на что-нибудь [Ожегов, Шведова]. Соответственно говорящий должен быть в состоянии выполнить обязательство, неисполнимые обещания не имеют ценности. Как известно, предвыборная агитация очень часто базируется на обещаниях народу претендентов на власть, ведь, как справедливо отметила А. Б. Халатян, «партия, идущая к власти, должна убедить избирателей в необходимости отдать свой голос ее представителю как единственно достойному кандидату на высший политический пост страны» [Халатян 2011: 180].

Согласно вышеприведенным словарным определениям, обещать — внушать надежду на что-нибудь. Надежда и заставляет избирателей отдавать свои голоса за того, кто дал им обещание сделать что-либо в их интересах. При этом, по мнению О. А. Солоповой, «большинство программ видятся очень несбалансированными — обещания „быстрого счастья“ не подкрепляются анализом последствий для реализации как краткосрочных, так и долгосрочных проектов» [Солопова 2008: 59]. Самыми яркими обещаниями, которые давала власть, в памяти моего поколения являются обещание Н. С. Хрущева (*Наши дети будут жить при коммунизме*), М. С. Горбачева (*К 2000 году каждая семья будет жить в отдельной квартире! и Искореним пьянство*) и обещание нынешней власти обеспечить каждого ветерана Великой Отечественной войны к Дню Победы благоустроенным жильем. Отметим, что все обещания естественным образом ориентированы в будущее, и данные обещания имеют конкретные временные границы. Как показала жизнь, ни одно из упомянутых обещаний не было выполнено полностью. Факт невыполнения названных обещаний очевиден и не требует доказательств. Невыполнение обещаний подрывает веру в политиков, снижает их авторитет, порождает ироническое восприятие адресатами обещаний: *обещанного три года ждут, грозилась синица море зажечь, после дожидка в четверг, вилами на воде писано, бабушка надвое*

сказала, выбери X и будет тебе счастье. Адресаты считают, что политики, обещая что-либо, *вкручивают мозги, втирают очки*. Вероятно, именно поэтому современные действующие политики реже дают опрометчивые обещания. Неслучайна публикация в АиФ (2011. № 34) следующего анекдота: *Умный политик — не тот, кто обещает и выполняет, а тот, кто обещает, но не называет сроков*.

Задача данного исследования — определить, какое место занимает заявленный жанр в политическом дискурсе «послевыборного» периода и что происходит с этим речевым жанром в речи тех, кто уже реально обладает властью.

Итак, исходная формула обещания включает следующие элементы: *кто* (в нашем случае — политик) *обещает кому* (в нашем случае — народу) и *что* (обычно конкретное действие). Наблюдения свидетельствуют о трансформации данного речевого жанра в политической риторике лидеров. Можно наметить несколько возможных трансформаций.

Смена объекта обещания. На место конкретных обещаний, которые легко проверить, приходят неопределенные обещания с использованием таких слов, как *значимые, необходимые, ближайшие*: *Чтобы сделать этот процесс более значимым, мы примем в ближайшее время необходимые решения; Соответствующие поправки в законодательство я внесу в парламент в ближайшее время* [Медведев], — или единиц «идеологического» плана: *Мы непременно возьмем с собой в будущее всепоглощающую жажду социальной справедливости, вдохновившую наших дедов и отцов на великие свершения. Мы восстановим и укрепим дружбу братских народов, лежащую в основе могущества нашей Державы, закаленную в сражениях Великой Отечественной и преступно разрушенную могильщиками Советского Союза. Мы добьемся возрождения общенационального единства, которое утверждается на превосходстве общественных интересов над личными и превращает народ в несокрушимую соборную общность* [Зюганов]. Очевидно, что исполнение таких обещаний с трудом поддается проверке. Причем в подобных примерах персональность говорящего заменяется на «размытое» *мы*, лишенное конкретики. Г. А. Зюганов обещает не лично от себя, а от имени Коммунистической партии, следовательно, исполнение обещания спросить не с кого. В связи с этим можно выделить следующую трансформацию, а именно **смену субъекта обещания**, приводящую к **утрате исполнительского характера речевого жанра**. Как уже было отмечено, субъектом обещания всегда является говорящий. В случае смены субъекта при сохранении императивности речевой жанр теряет признак исполнительности. Можно выделить такие группы: с частичной утратой и с полной утратой данного признака.

В обещаниях Д. А. Медведева наблюдается частичная деперсонализация. Так, используя инфинитивную конструкцию с нулевой позицией субъекта: *Главный вывод: чтобы предотвратить дальнейшую деградацию коммунального хозяйства и одновременно повысить эффективность использования энергии в жилищно-*

коммунальный сектор, нужно активнее привлекать частный капитал, — Медведев дополняет ее личной конструкцией: *Необходимые поручения на эту тему я уже дал* [Медведев]. Отметим при этом, что Д. А. Медведев берет на себя ответственность за раздачу поручений (*Исполнение этих поручений я продолжу контролировать лично*), а обязанность исполнения данного обещания перекладывается на других, опять-таки анонимных лиц. Обещания В. В. Путина всегда даются с использованием местоимения *мы*: *Что касается трагедий в нашей стране, мы, безусловно, будем самым тщательным образом бороться с этими явлениями и жестко карать всех преступников, которые пытаются подорвать и доверие к России и расшатать нашу политическую систему*. Таким образом, В. В. Путин дает обещание не сам, а от лица всей властной системы, следовательно, за результат, за исполнение данного обещания никто конкретно не несет ответственности. Как известно, нередко обещания даются федеральными властями, а выполнение обещанного возлагается на региональные власти, которые оказываются не готовыми к этому. Поэтому возможной и частотной становится фраза регионального чиновника: *кто вам обещал, к тому и обращайтесь*.

Ко второй группе отнесем те случаи, в которых при сохранении модальности долженствования высказывания совершенно как бы «обезличиваются», указывается на необходимость, нужность выполнения какого-либо действия, но не называется предполагаемый исполнитель: *Во-первых, необходимо наладить постоянную и системную антикоррупционную экспертизу законодательства. ... Надо избавить правовое поле от пустых деклараций, от норм толкования и внутренних противоречий... Надо поставить чиновника в строгие процедурные рамки, а результаты его деятельности открыть для гражданского общества, для людей, по сути, для налогоплательщиков, оплачивающих из своего кармана услуги государственного аппарата* [Путин]. Как видим, в инфинитивных конструкциях позиция субъекта вербально не выражена, исполнитель необходимого действия не назван, а следовательно, не с кого потом спросить отчет о выполнении обещаний. К подобным результатам приводит и использование страдательных конструкций, при котором в фокусе внимания оказывается объект обещания, а не его исполнитель: *А бюджет и установленные законом внебюджетные фонды обязаны стать для власти единственной формой образования и распространения денежных средств* [Путин]. Такая полная обезличенность обещаний характерна для политического дискурса В. В. Путина.

Замена предиката, организующего жанр обещания, приводит уже не к модификации, а к мутациям жанра. Так, в речи «оппозиционных» политиков на смену предвыборному жанру обещания приходит императивный жанр **требования**: *КПРФ и все патриотические силы России требуют: пора остановиться и встать на позицию твердой защиты наших национальных интересов... КПРФ требует решительного поворота в сто-*

рону объединения с Белоруссией [Зюганов]. Говорящий меняет позицию политика, обладающего властью, на позицию адресата (народа, не обладающего властью), получившего обещания и требующего их исполнения.

Кроме того, наблюдается **мутация** речевого жанра «обещание» в **речевой жанр лозунга**. Лозунг — это речевой жанр политической сферы, представляющий собой призыв или общую идею, связанную с актуальными проблемами социальной жизни. Утрата личной ответственности за исполнение обещаний приводит к тому, что жанр обещания в политическом дискурсе чаще всего заменяется жанром лозунга с семантикой **долженствования**: *Российская политика в отношении стран СНГ должна наконец обрести целенаправленный, системный характер* [Зюганов]. Использование пассивных конструкций в подобных высказываниях полностью устраняет действующих лиц и уводит от ответственности. Как верно отмечала Т. В. Шмелева, «в современной политической ситуации лозунг из жанра директивного (императивного) превратился в декларативный (информативный)» [Шмелева 2003: 315]. Это положение можно проиллюстрировать примерами из речи Д. А. Медведева: *Наша цель — повысить к 2020 году энергоэффективность экономики на 40 процентов; Забота о пенсионерах, защита детей, поддержка людей с ограниченными возможностями — прямая обязанность властей всех уровней, — В. В. Путина: Главная задача — снижение заболеваний и смертности... Вместе мы победим!... Не будем бросать людей один на один с проблемами, — и Г. А. Зюганова: Пора начинать действовать.*

Переход от императивности к информативности вообще характерен для современного политического дискурса. От обязательств политики все чаще уходят в сторону констатаций.

Констатация намерений. *Мы бы хотели, чтобы у нас была зрелая политическая система, чтобы у нас была многопартийная система с ответственными политиками, которые могут прогнозировать развитие страны и ответственно действовать не только в период выборов и после них, а и на длительную историческую перспективу. Вот будем к этому стремиться... Россия намерена строго выполнять взятую на себя обязательство... Россия строго придерживается и намерена в дальнейшем придерживаться Договора о нераспространении ядерного оружия и многостороннего режима контроля за ракетными технологиями* [Путин]. Как видим, и здесь намерения деперсонализированы, речь ведется от имени всей России, следовательно, ответственность за неисполнение намерений всегда можно возложить на другого. Кроме того, в ближайшие три года мы **планируем** направить на совместную исследовательскую деятельность ведущих университетов с промышленными компаниями около 30 миллиардов рублей [Медведев].

Констатация готовности. *Мы готовы честно конкурировать* [Путин].

Констатация заинтересованности. *Но мы заинтересованы в том, чтобы развивалось*

гражданское общество в самой России, чтобы оно ругало власти, критиковало, помогало власти определять свои собственные ошибки, корректировать свою политику в интересах людей [Путин].

Констатация возможности. *И сегодня у нас есть возможность наконец решить его окончательно, закрепить право собственности на землю за теми, кто на ней действительно работает* [Путин]. **Нам по силам** качественно изменить ситуацию за ближайшие несколько лет [Медведев].

Констатация обязанности. *Мы обязаны извлекать уроки из истории... Мы обязаны вместе хранить память о жертвах этого преступления... Мы просто обязаны использовать этот опыт партнерства...* [Путин]. *В этих условиях коммунисты как главная оппозиционная сила страны просто обязаны предложить обществу свою собственную, конструктивную геополитическую стратегию. Мы обязаны активно провести целую серию выступлений протеста* [Зюганов]. Как и в других случаях, здесь так же либо используется «неопределенное» *мы*, либо субъект долженствования вообще не обозначен: *Для многодетных семей должен быть создан режим наибольшего благоприятствования... Средства, получаемые на поддержку детей от благотворительных организаций, должны быть полностью исключены из налогооблагаемого дохода. ...У нас есть шанс построить новую, свободную, процветающую, сильную Россию. И я как Президент обязан сделать всё от меня зависящее, чтобы этот шанс был использован нами в полной мере* [Медведев].

Констатация необходимости. *При каждом доме ребёнка, в детских домах и коррекционных учреждениях необходимо создать попечительские советы, которые будут работать максимально открыто. ... Кроме того, учителям надо создать возможности для стажировки в лучших школах и повышения квалификации в ведущих вузах страны* [Медведев].

Переход от модуса императивности к модусу декларативности приводит к тому, что на место одного жанра приходит другой.

Замена обещаний на самопрезентацию. *Коммунисты, безусловно, способны вытащить Россию и из нынешней волчьей ямы, куда ее ввергли кремлевские горе-политики. У КПРФ есть воля, убежденность, традиции, опыт и кадры, способные решать задачи такого масштаба. Под руководством коммунистов и в союзе со всеми здоровыми национально-патриотическими силами Россия может быть спасена от дальнейшего порабощения и поднята с колен... Никто, кроме нас, не в состоянии разрабатывать теоретические основы и практические технологии для борьбы за власть в новых, столь резко изменившихся условиях* [Зюганов].

Итак, как показал анализ языкового материала, жанр обещания, характерный для предвыборного политического дискурса, в «послевыборный» период претерпевает ряд модификаций, связанных с заменой объекта обещаний, с утратой исполнительского характера жанра. Утрата императивности как

одного из основных жанрообразующих признаков, замена ее декларативностью приводят к мутации жанра обещания в жанры политического лозунга и самопрезентации.

ЛИТЕРАТУРА

Бенвенист Э. Общая лингвистика. — М. : Прогресс, 1974.

Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. — М. : Азъ, 1992.

Солопова О. А. Образ будущего в программных документах политических партий // Политическая лингвистика. 2008. № 24.

Стексова Т. И. Мифотворчество в текстах предвыборных листовок // Критика и семиотика. 2004. Вып. 7.

Чудинов А. П. Метафорическая мозаика в современной политической коммуникации / УрГПУ. — Екатеринбург, 2003.

Халатян А. Б. Предвыборный дискурс// Политическая лингвистика. 2011. № 36.

Шмелева Т. В. Модель речевого жанра // Жанры речи. — Саратов, 1997.

Шмелева Т. В. Лозунг // Культура рус. речи : энцикл. слов.-справ. — М., 2003.

ИСТОЧНИКИ

Зюганов Г. А. Смотреть вперед! 2004.27.07.

Зюганов Г. А. К годовщине X Съезда КПРФ. 2005.06.07.

Зюганов Г. А. Как вернуть России доверие и уважение международного сообщества. 2006.06.09.

Зюганов Г. А. Русский социализм — ответ на русский вопрос. 2006.06.04.

Медведев Д. А. Послание Президента Федеральному Собранию. 2010.30.11.

Медведев Д. А. Выступление на заседании Петербургского международного экономического форума. 2011.17.06.

Медведев Д. А. Пресс-конференция Президента России. 2011.18.05.

Медведев Д. А. Россия, вперед! 2009.10.09.

Путин В. В. Выступление и дискуссия на Мюнхенской конференции по вопросам политики безопасности.

Путин В. В. Речь на XXII съезде Ассоциации крестьянских (фермерских) хозяйств и сельскохозяйственных кооперативов России (Тамбов, 02.03. 2011).

Путин В. В. Выступление на заседании Совета при Президенте РФ по борьбе с коррупцией. 2004.12.01.

Статью рекомендует к печати д-р филол. наук, проф. Н. И. Коновалова